

Предисловие автора

Дорогой читатель!

Книга перед тобой пропитана лесными шорохами, светящимися огоньками в чаще и запахом грибного дождя. Я долго и внимательно изучала азиатскую мифологию, и среди качающихся ветвей алого клена и волшебной небесной гортензии ты найдешь как знакомое, так и новое. Для понимания многие сложности опущены, для уменьшения культурной пропасти иногда используются более современные термины, для удобства традиция обращения «сначала фамилия, потом имя» изменена на привычную нам. Если какие-то слова будут тебе неизвестны, скорее всего, внизу страницы будет информация о том, что это означает в книге.

Я не ставила себе целью исказить знакомую и любимую многими мифологию Японии, но этот мир — авторский, воображаемый, где много веяний других эпох и народов. Здесь живут боги, демоны и духи, а ханьё (современные термины, помните?) являются частью общества, вертя лисьими хвостами и дергая кошачьими ушами.

Этой книги не получилось бы без помощи Рики Иволки, Софьи Кушпиль и моего мужа Артема, который почему-то удивительным образом одобряет мои писательские запои. Кланяюсь им в пол.

Надеюсь, читатель, ты полюбишь этот мир так же, как полюбила его я, и научишься принимать, как это сделала Соль.

*С любовью и благодарностью,
Дара.*

ШЕЛОП
ВЕЧНОГО
ЛЕСА 1

Лес видел и помнил все. В самом могучем и старом дереве леса жил дух-хранитель. Часто, когда люди проходили мимо, дух шутил и беззлобно их пугал, неожиданно резко и громко вздыхая, отчего ветер в кроне щелкал, выл и хлопал, а ветки хрустели, будто на них наступила звериная лапа.

— Снова Хранитель шутит, — бурчали дикие звери, светлячки и болотные огоньки.

Когда-то дух был сильным и крепким, и лес был густым и зеленым. Смех его хранителя переливался птичьим многоголосьем, играл шелестом падающей листвы и звучал так громко, что звоном ручья наполнялась даже самая темная чаща.

Но время шло. Другие деревья становились выше. А он потерял свою игривость и уже не мог заставить себя рассмеяться. Он спал, а проснувшись, лишь сильнее хотел спать. В сухих корнях завелся выводок беспокойных мышей, ручьи растеклись шире и заболотились, а пугать стало больше некого.

«Я скоро умру», — подумал между черными пустыми снами дух, и ему стало страшно за приходящий в запустение лес и то, что он хранит под собой.

Дни шли, недели бежали, неслись мимо месяцы и пролетали годы. Листва опала с его потемневших ветвей, он оживал лишь изредка, перестал видеть и стал забывать, что был духом и что надо просыпаться.

...Так дни монотонно сменяли ночи, пока дух не почувствовал, как нечто буквально выталкивает его из сна. Это был острый и пряный запах.

Открыв глаза, дух увидел странного молодого ханьё, бежавшего сквозь лесную чащу, запыхавшегося, растрепанного. Его белая одежда была испачкана кровью, и выглядел он злобно, потерянно и отчаянно. В темноте леса,

заросшего паутиной, мхом и плесенью, звучал собачий лай. Странного молодого человека преследовали. Дух хотел остановить его и узнать, что произошло, но был слишком слаб. Где-то вот-вот должно было произойти нечто ужасное, это не вызывало сомнений, но все, что смог сделать хранитель, — поднять корень, заставив человека споткнуться.

На землю упала пара капель крови. Ханьё остановился, уперся рукой в сухую морщинистую кору, наклонил голову. Его кровь потоком хлынула из разбитого носа. Свежая и вкусная. Острая и пряная.

И дух-хранитель улыбнулся. Зловещей, ожившей улыбкой.

— Десятый сын... десятого сына... — прошипел он из-под земли. Его ветви захрустели и начали ломаться, когда потянулись за замершей в ужасе жертвой.

— Нет!

— Сам пришел... Сам пришел! Десятый сын... Предназначен...

Корни поднялись, побагровели, поползли. Впервые за долгое время дух-хранитель покинул свою усыпальницу.

Молодой мужчина отшатнулся, упал и утонул в шевелящемся, будто змеиная яма, клубке живых корней. Переворачиваясь на спину, он потянул из ножен меч, резко вскрикнул... Было уже слишком поздно.

— ...в жертву!

Кричал он недолго.

Дух умер. Хранитель — родился.

ПЛОДЫ ПЕРВОЙ ЛЮБВИ ГОРШЕ КРАСОТЫ ЕЕ ЦВЕТОВ

Птец должен был вернуться уже неделю назад, но я не волновалась. Моя служанка, Амэя, часто повторяла, что его хранят сами духи нашей земли, и ничто не может навредить ему. Вряд ли на всей Наре нашелся бы человек, который хотел бы папе зла и при этом прожил достаточно долго, чтобы сделать что-то плохое нашей семье.

Без него я была предоставлена сама себе и могла сколько угодно пропадать в городе. И, пусть за мной следовала ворчливая и воинственная Амэя, в эти дни я была совершенно свободна и счастлива.

И я была не одинока в своем счастье. Рядом был Син.

Мы гуляли по широким улицам столицы, шли рядом, почти соприкасаясь локтями. Под тенью вечноцветущей священной сливы мелькали журавлики, что разносили в своих бумажных крыльях позднюю почту, в фонарях горел синим пламенем лисий огонь. То и дело я поглядывала на Сина — кот-ханъё был на полголовы меня

выше, и в неровном свете фонарей тяжело было угадать выражение его меняющихся глаз.

Я рассматривала город. Мы бывали в столице часто, но меня все равно удивляло, что жизнь здесь была совсем иной, нежели в отдалении императорских владений. Стражников меньше, чем у дворца, и они были расслаблены: играли в кости прямо посреди парка, иногда покрикивали на детей, но сами смеялись громко и заразительно. Я расправила легкую голубую юкату* и улыбнулась своим мыслям. Мимо прошла семья хангё-волков, мальчишка лет шести так радостно махал хвостом, что повеяло ветерком.

— Пойдем в вишневый сад? У меня там есть любимое место.

— Куда ты водишь всех девушек? — Не могла не сострить я.

Син усмехнулся, выбивая у меня землю из-под ног. Это была улыбка плохого парня, которую я еще не видела на его лице.

— Только самых догадливых.

Я спрятала улыбку за рукавом и пошла за ним.

По широким улицам, где свободно могли разъехаться две кареты, мы дошли до святилища Пяти. Сложенное из белого камня, с красными изогнутыми крышами, оно возвышалось над городом и было видно со всех сторон, но только вблизи становилось понятно, насколько огромно это здание. Папа часто водил меня сюда, мы приносили дары своим предкам и оставляли записки-талисманы у ног Матери-Лисы, Отца-Дракона, Брата-

---

* Юката — традиционная японская одежда, представляющая собой летнее повседневное хлопчатобумажное, льняное или пеньковое кимоно без подкладки.

Волка, Сестры-Кошки и, конечно, Брата-Обезьяны — нашего, человеческого покровителя. Внутри было уютно. А снаружи я чувствовала себя маленькой и незначительной. Оглушительно зазвучал гонг, двери святилища открылись, и улицу наводнила толпа, множество людей и ханьё. Мы обогнули павильон Отца-Дракона, чуть ли не пробивая себе дорогу локтями. В воздухе стоял гул, звон колокольчиков на посохах паломников, сильно пахло потом, благовониями, эфирными маслами.

Я не привыкла к такому количеству людей. Меня случайно трогали, грубо отпихивали, кто-то рыкнул мне в лицо:

— Ногами двигай, обезьяна бесхвостая!

Толпа. Слишком много. В императорских угодьях, где я провела большую часть своей жизни, меня никогда не окружало столько людей. Я росла в одиночестве, и на официальных шумных приемах мне всегда становилось не по себе.

Меня напугал человек в клыкастой драконьей маске, который резко обернулся, я не смогла найти своего спутника и ощутила, что меня колотит от страха. Спина взмокла. Ноги налились тяжестью. Я словно бы тонula в этом многоликом, многоголосом море. Я не могла вздохнуть. Остановилась... и тогда Син за руку выдернул меня из толпы.

Меня била крупная дрожь, и я прижалась к его плечу и спрятала лицо. Стыдно. Никогда такого не было. И что на меня нашло? Мы встали у сливы, перешли с мостовой на траву, народа тут было чуть меньше, и толпа обтекала нас, как шумная река камень.

— Ну что ты, мышонок. — Син попытался отстранить меня, но я вцепилась намертво. Ханьё растерянно хмыкнул и... обнял меня, положив на макушку острый

подбородок. Его объятья были горячее людских и пахли звериным мускусом. — Ну-ну. Напугалась?

— Угу.

— Давай постоим тогда так немножко. Прости... Я забыл, что в час петуха* здесь уйма народу.

Прошло несколько минут. Я разомлела, перестала дрожать и, пряча глаза, отстранилась. Син мне улыбался, понимающе и мягко. За нашими спинами встала Амэя, и я ощутила ее внимательный, недовольный взгляд. Мне нельзя было трогать ханьё. Меня, чистокровную, сама мысль об этом должна была повергать в ужас. Вместо этого я тянулась к Сину, как молодой бамбук к солнцу.

— Все в порядке. Когда я впервые попал в столицу, то был просто в ужасе. Я потерялся на рынке, забился под какую-то телегу и ревел как девчонка.

— Я, — важно задрала я нос, — никогда не реву!

Син засмеялся, взял меня за руку (внутренности сделали кувырок и кое-как, явно попутав места, плюхнулись обратно) и потянул вдоль садика камней. Это было не самое популярное место у гуляющих, вдали от местных достопримечательностей, прилавков со съестным и сувенирами. Я все еще подрагивала и была рада удалиться от толпы.

Там мы впервые поцеловались.

Все это казалось невозможным, было сладким сном, где на губах у тебя вкус персика, по ресницам скачет солнце и что-то большое, теплое мурчит в груди. Син целовался умело и нежно, и мне было понятно, что это не первый и не второй его поцелуй. Он улыбнулся, когда я придержала его нижнюю губу губами, провел ладонями по моим плечам. Когда я открыла глаза, в его

---

* Час петуха — около 17–19 часов.

расширенных вертикальных зрочках дрожали отсветы парящих рядом фонариков.

— Твой отец убьет тебя, — шепотом сказал он и разогнулся, делая полшага назад. Там, где под моими ладонями была его теплая грудь, стало прохладно, я поежилась. — И меня тоже.

— Брось, это все предрассудки. Он поймет.

— Не думаю. Если уж твоя подруга не поняла, то вряд ли поймет отец.

Син скосил взгляд на тропинку, по которой мы прошли. Я попросила Амэю остаться у входа в сад, но даже сквозь разделяющее нас расстояние ощущалось ее осуждение. Я сдержала свое высокомерие: хотелось ответить, что Амэя была моей служанкой, не подругой. Разница была значительной.

— Она ничего ему не скажет.

Ханьё вздохнул и переплел наши пальцы. Мое сердце зачастило. Как жаль, что она была настолько чистой, что это накладывало на меня обязательства.

— Это так глупо, — вздохнула я. — Мы же в столице! Здесь люди женятся на ханьё, заводят детей, и...

Я поняла, что сказала слишком много, когда Син приподнял брови. К лицу тут же прилила краска, и я опустила ресницы.

— А что, ты бы хотела выйти за меня замуж? — с коварной улыбкой протянул кот. Мне от стыда стало жарко. Боги, какая глупая! Ну надо же было ляпнуть!

Это был запретный плод, как яблоки в императорском саду. Ханьё и людям не возбранялось общаться друг с другом, встречаться, заводить семьи. У них даже могли быть дети — и от такой связи мог родиться как человек, так и ханьё.